

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Метафизика в учениях Дунса Скота,
Уильяма Оккама и Джона Уиклифа

Цель – анализ вопросов метафизики в философии Средневековья, в частности, в учениях Дунса Скота, Уильяма Оккама и Джона Уиклифа.

План

1. Метафизика Дунса Скота.
2. Редуктивная программа Оккама.
3. Уиклиф и детерминизм.

Ключевые слова

Естественная теология, однозначные трансцендентальные предикаты, синхронная вероятность, концепция возможного мира, «haecceity» (этость), редуктивная программа.

Данная лекция посвящена анализу вопросов метафизики в философии Средневековья, в частности, в учениях Дунса Скота, Уильяма Оккама и Джона Уиклифа, рассмотренных Энтони Кенни в шестой главе его книги.

В системе Дунса Скота фундаментальное место занимает метафизика. Она является метафизикой, изложенной в аристотелевских терминах, но которой дано очень личное толкование. Как и Аристотель, Дунс Скот определяет метафизику как науку, которая исследует бытие (qua) в качестве самого бытия; но тогда как у Аристотеля изучать что-то (qua) в качестве самого бытия было особым способом изучения, у Дунса Скота бытие в (qua) качестве самого бытия является специальным объектом для изучения. Бытие (qua) в качестве бытия, действительно, является самым широким возможным объектом исследования, включая конечное и бесконечное бытие, актуальное и потенциальное бытие.

У Дунса Скота, как и у Аквинского, основной заботой метафизики является установление существования и атрибутов Бога, так что естественная теология является отраслью дисциплины. Но для Дунса Скота сфера естественной теологии, то есть метафизика, как шире, так и уже, чем для Аквинского. Шире, потому что Дунс Скот считал, что термины, которые означают фундаментальные свойства бытия (qua) в качестве бытия – такие как «хорошо», «верно», «один» и так далее применяются не только аналогично, но и однозначно к Богу как создателю. Но она уже, потому что многие истины о Боге, которые Аквинский рассматривал как доступные естественному разуму, считаются Дунсом Скотом постижимыми только верой. Аквинский считал, что разум может доказать, что Бог всемогущ, необъятен, вездесущ и так далее. Дунс Скот, напротив, полагал, что разум бессилён для доказательства всемогущества Бога. Христианин, утверждал он, знает, что среди сил всемогущего Бога есть сила, способная породить сына; но это не та сила, которую чистый разум может показать, что ею обладает Бог. Таким образом, многие темы, которые для Аквинского были в рамках метафизики, для Дунса Скота являются сферой догматической теологии.

Среди ученых было обычным делом утверждать, что «бытие» – это трансцендентальный термин, который применяется через категории Аристотеля, и сказать далее, что каждое бытие каждого вида имеет такие свойства, как доброта и единство. Нововведением Дунса Скота в этом отношении стало утверждение, что трансцендентальные предикаты, такие как «быть» и «хорошо», были однозначными, а не аналогичными. Существует другой вид трансцендентального, которому Скот придает большую важность: трансцендентальная дизъюнкция. Он составил список пар условий, из которых тот или другой должен применяться к тому, что есть: то или другое должно быть актуальным или потенциальным, конечным или бесконечным, необходимым или случайным. «Необходимое» – это не термин, который применяется к каждому бытию: а дизъюнкция «необходимый или случайный» применяется по всем направлениям.

Дунс Скот не только сделал акцент на необходимой-случайной дизъюнкции, он ввел принципиально новое понятие вероятности. Схоласты обычно считали, что многие вопросы факта были случайны. Это случайно, что я сижу, потому что это возможно для меня встать – возможность, которую я могу продемонстрировать, вставая в следующий момент. Дунс Скот, как и другие схоласты, принял такую возможность: но он пошел дальше и утверждал, что в тот момент, когда я сижу, существует возможность того, что я стою в тот же самый момент.

Это предполагает новую, более радикальную форму вероятности, которая была метко названа «синхронной вероятностью».

Конечно, Дунс Скот не утверждает, что в один и тот же момент я могу быть и сидящим, и стоящим. Но он проводит дизъюнкцию между «моментами времени» и «моментами природы». В одном моменте времени может быть больше одного момента природы. В этот момент времени я сажусь: но в этот же момент времени есть другой момент природы, в котором я стою. Моменты природы – это синхронные возможности.

Дунс Скот не говорит о простой логической возможности: момент природы – реальная возможность, которая отличается от простой логической согласованности. Это что-то может быть возможным, пока природа физического мира остается той же. Синхронные возможности не обязательно должны быть совместимы друг с другом, как в случае, который только что обсуждался; они возможны, может сказать современный философ, в других возможных мирах, не в этом мире.

Моменты природы Дунса Скота действительно являются предшественником современной философской концепции возможного мира. Его собственные рассуждения о происхождении мира видят Бога, как выбор в реализации одного из бесконечного числа возможных вселенных. Позднее философы отделили понятие возможных миров от понятия творения и начали трактовать слово «мир» более абстрактно, так что любая совокупность совместимых ситуаций могла быть возможным миром. Это абстрактное понятие затем стало использоваться как средство экспликации всевозможных сил и возможностей. Заслуга введения этого понятия часто отдается Лейбницу, но, как отмечает Кенни, она принадлежит Дунсу Скоту.

Введение понятия синхронной вероятности включает в себя радикальное переосмысление аристотелевской концепции потенциальности и актуальности. Для Дунса Скота, в отличие от Аристотеля или Аквинского, как и для Авиценны, не существует элементов, могущих иметь возможность существовать: потенциальность, которую Дунс Скот называет объективной потенциальностью, в отличие от аристотелевской, которая называется субъективной потенциальностью.

Несуществующие предметы, объясняет Дунс Скот, индивидуализируются по своей объективной потенциальности: несуществующий А отличается от несуществующего В, потому что, если и когда они существуют, А и В отличаются друг от друга.

Другие термины аристотелевского метафизического арсенала также переосмыслены. Отношение между веществом и формой, например, изложены Дунсом Скотом новым способом. Для Аристотеля материя была фундаментальной точкой в анализе субстанциональных изменений. Субстанциональные изменения – это тип изменения, когда один элемент превращается в другой – например, вода в пар (воздух), или живое существо входит или выходит из существования – например, когда собака умирает, а ее труп разлагается. Когда субстанция одного вида превращается в одну или больше субстанций другого вида, там появляется для Аристотеля форма, определяющая природу субстанции, что предшествует изменению, и другие формы, определяющие характер субстанции, после изменения. Элемент, который остается неизменным на протяжении всего изменения – это материя как таковая. Пока форма определяет, какой вид вещи есть субстанция, материя определяет, как вещь этого вида есть субстанция. Материя – это принцип индивидуации, а форма, мы могли бы сказать, принцип спецификации.

Дунс Скот отвергает как понятие материи, лишенной свойств, так и тезис о том, что материя является принципом индивидуации. Материя, действительно, может существовать без какой-либо формы вообще. Материя и форма действительно различны, и это хорошо в пределах силы Бога, создать и сохранить как нематериальную форму, так и бесформенную материю, каждая из которых индивидуализирована по-своему.

Фактические материальные вещества состоят как из материи, так и из формы: здесь Дунс Скот согласен с Аристотелем и Аквинским. Сократ, например, является человеком индивидуальным, состоящим из индивидуальной материи и индивидуальной формы человечности. Однако Дунс Скот дает новые представления о том, как индивидуальное бытие, его материя и форма сами по себе индивидуализированы. Для Аквинского форма человечности является индивидуальной формой, потому что это человеческая форма Сократа и Сократ

индивидуализируется его материей. Для Дунса Скота, с другой стороны, форма является индивидуальным правом, независимо от материи Сократа и субстанции Сократа.

Аквинский утверждает, что во всех материальных субстанциях, включая людей, осталась только одна субстанциальная форма. Дунс Скот отрицает это: и в этом отрицании его когда-то поддерживало большинство средневековых схоластов. Он согласился с Аквинским, что неживые существа имеют одиночную субстанциальную форму: химическое соединение не сохранило формы элементов, из которых они были составлены. Но живые тела – растения, животные и люди – владеют, в дополнение к специфическим формам принадлежности к их видам, общей формой телесности, которая делает их всех телами. Он аргументировал это тем, что человеческое тело сразу после смерти остается таким же телом, каким было непосредственно перед смертью, даже если оно больше не является частью жизни человеческого бытия. Подобные соображения касаются животных и растений.

Хотя Дунс Скот считал, что душа – не единственная субстанциальная форма человека, он не соглашался, как некоторые из его предшественников, с тем, что есть три различные формы души, сосуществующие в каждом человеке, рациональная, чувственная и вегетативная. Если бы в людях были какие-то формы, за исключением души и формы телесности, они были бы формами отдельных органов человека – возможность, которую когда-то рассматривал Дунс Скот. Но, кроме материи и формы, в субстанции есть еще один пункт, который не является ни материей, ни формой. Здесь Дунс Скот вводит термин «haecceity», который означает несводимость единичного существования к сущности, и который можно перевести как «конкретность», «несводимость», «этость», то есть каждая вещь отлична своей «этостью», что делает ее индивидуальным.

Какова связь между сущностью и «haecceity» – они тоже действительно отличаются друг от друга? В индивидууме как Сократ есть, по мнению Дунса Скота, как общая человеческая природа, так и принцип индивидуации. Человеческая природа – это реальная вещь, которая является общей для Сократа и Платона; если бы это было не реально, Сократ был бы похож на Платона не больше, чем на линию, нацарапанную на доске. Точно так же принцип индивидуации должен быть реальным, иначе Сократ и Платон были бы идентичны. Природа и принцип индивидуации должны быть объединены друг с другом, и ни один не может существовать в реальности друг без друга: мы не можем столкнуться в мире с человеческой природой, которая не является ничьей природой, и мы не можем встретить индивидуума, который не является индивидуумом того или иного рода. Но мы не можем отождествить природу с «haecceitas»: если природа осла была бы идентична с «этостью» осла Брауни, тогда каждый осел был бы ослом Брауни.

Чтобы разрешить эту загадку, Дунс Скот вводит новое усложнение. Любая созданная сущность, по его словам, имеет две особенности: воспроизводимость и индивидуальность. Моя сущность как человека воспроизводима: могут быть, и есть другие люди, по сути такие же, как я. Но это также индивидуально: это моя суть, потому что она включает индивидуацию «haecceity». Различие между сущностью и «haecceity» не реальное различие, но это и не просто фикция или воображение ума. Это, говорит Дунс Скот, особого рода формальное различие, «a distinctio formalis a parte rei», формальное различие «на стороне реальности. Сущность и «haecceity» не имеют различий в том понимании, в котором Сократ и Платон различны, или, в котором мои две руки различны. Они не просто мысленно различимы, как Сократ и учитель Платона. До любой мысли о них они, по словам Дунса Скота, формально различны: они две разных формальности в одном и том же. Кенни отмечает здесь, что Дунса Скота непросто понять, так как иллюстрации значений и контекстов, которые он применяет для прояснения своих мыслей, сами взяты из областей еще большей неясности: например, отношения между различием божественных атрибутов, или различие между вегетативными, чувственными и рациональными душами в человеке.

Уильям Оккам был одним из первых, кто отклонил формальное различие Дунса Скота на стороне реальности.

«Entia multiplicanda praeter necessitatem» – «не следует умножать сущности сверх необходимости». Это знаменитая «брита Оккама», предназначенная для бритья излишней шерстистости философов. Это изречение на самом деле не сохранилось в его трудах. Он говорил похожие вещи, например, «бесполезно делать со многими то, что можно сделать

с немногими» и «многообразие не следует предполагать без необходимости», но он не был первым, кто делал подобные умозаключения. Однако, лозунг суммирует его редукционистское отношение к философско-техническим разработкам его предшественников, считает Кенни.

Одной из первых излишних сущностей, которую бритва Оккама должна была побрить, была «Haecceity» Дунса Скота, или принцип индивидуации. Скот утверждал, что в дополнение к человеческой природе Сократа, должно быть что-то, что делает эту природу, потому что, если его человеческая природа была бы сама по себе, тогда каждая человеческая природа была бы такой, то есть была бы природой Сократа. Оккам не верил ни в общую природу, ни в принцип индивидуации. Все, что существует на самом деле – это люди, и они просто есть индивидуумы – им не нужен никакой дополнительный принцип для того, чтобы индивидуализировать их. Это не индивидуальность, а универсальность нуждается в объяснении.

Но номинализм Оккама – лишь часть его метафизической программы дефляции. В дополнение к универсалиям, Оккам хотел побрить большой класс индивидуальностей. Для его средневековых предшественников существовали индивидуальности в каждой категории – не только индивидуальные субстанции, такие как Сократ или осел Брауни, но отдельные акциденции многих видов, такие как местонахождение Брауни или отношения Сократа с Платоном. Оккам сокращает десять категорий Аристотеля до двух. Только субстанции и качества реальны.

Аргументы Оккама на тему отношений более весомы, чем его аргументы против реального количества. Если бы отношение было реальной сущностью, отличной от понятия «отношения», оно было бы способно существовать, даже если не было понятия. Предположим, Сократ – отец Платона, а Платон – сын Сократа. Тогда возникает связь отцовства между Сократом и Платоном. Абсурдно говорить, что это отношение могло существовать без Сократа, родившего Платона, или, что Сократа, родившего Платона, Бог мог вывести из отношения отцовства.

Отношение подобия является важным для Оккама из-за его связи с реальными качествами: все, что имеет определенное реальное качество R, подобно тому, что имеет это качество. Белая стена подобна любой другой белой стене. Художник, который рисует белую стену в Риме, делает ее похожей на каждую из белых стен в Лондоне. Но если отношение подобия было бы реальной вещью, тогда художник в Риме приносил бы в существование многочисленные сущности Лондона. Воистину, если бы Бог сотворил тысячу миров и агента, производящего белизну в одном из них, он произвел бы подобия в каждом из них. Что истинно в подобии – истинно в позиции. Если я перемещаю свой палец, его позиция меняется по отношению ко всему остальному в мире. Если отношения позиции – реальные вещи, то, сдвинув палец, я создаю огромное количество обратных отношений во Вселенной.

По мнению Оккама, естественный разум учит, что нет таких сущностей, как отношения. Но как бы это ни было недостойно, он готов признать существование таких отношений в определенных случаях, потому что он считает, что определенные христианские учения – Троица, воплощение, Евхаристия – требуют наличия таких отношений. Это, естественно, привело к подозрению, что он был сторонником двойственной истины: что-то в теологии может быть истиной, а в философии – ложью.

В поколении после Оккама, как мы видели, была реакция против его номинализма и его общей редуктивной программы. В Оксфорде это приняло форму возрождения августинианства, что в свою очередь привело к возобновлению интереса к проблемам предопределения и детерминизма. Джон Уиклиф был лидером реалистической реакции. После своей смерти Уиклиф приобрел репутацию радикального детерминиста. Одно из предложений, которое приписывали ему, и которое было осуждено на соборе в Констанце, было «Все вещи происходят по абсолютной необходимости».

На самом деле, по крайней мере, в молодости Уиклиф разработал очень тонкую теорию взаимосвязи между различными типами необходимости и случайности. Он выделил не менее семи видов необходимости, таких как: логическая необходимость, естественная необходимость, бесконечная истина, вечная истина, неизбежная истина, принуждения и непреодолимый порыв. Он настаивал на том, что были некоторые события – например, человеческий выбор – которые были свободны от всех этих видов необходимости.

Уиклиф считает, что отношение между Божественной волей и событиями в мире двусторонне: если Божья воля заставляет вещи происходить здесь, на земле, то в некотором смысле события здесь, на земле, вызывают, в свою очередь, Божественную волю.

Нельзя сказать, что Уиклиф решает проблему взаимосвязи между детерминизмом и свободой. Но ни одному другому средневековому богослову не удалось дать удовлетворительный ответ на антиномию Божественной силы и земной случайности, и возможно, удовлетворительного ответа никогда не будет. Но понятно, что это большая ошибка считать Уиклифа архидетерминистом. Он отличается от своих коллег тем, что не вменяет дополнительных необходимостей в человеческие действия, но назначает необычные непредвиденные случайности Божественной воле.

Таким образом, мы рассмотрели вопросы метафизики в учениях средневековых философов Дунса Скота, Уильяма Оккама и Джона Уиклифа, проанализированных Энтони Кенни в шестой главе его книги. В следующей лекции мы перейдем к проблемам души и разума в философии Средневековья.

Вопросы для закрепления темы

1. Что является основной заботой метафизики по Дунсу Скоту?
2. В чем отличие Дунса Скота от Фомы Аквинского в представлениях о сфере естественной теологии?
3. Что представляет собой трансцендентальная дизъюнкция Дунса Скота?
4. Каким образом переосмысливается аристотелевская концепция потенциальности и актуальности?
5. Что означает термин Дунса Скота «haecceity»?
6. Как вы понимаете смысл высказывания «Не следует умножать сущности сверх необходимости», приписываемого Оккаму?
7. В чем суть редуктивной программы Оккама?
8. Как Уиклиф пытается разрешить проблем взаимосвязи между детерминизмом и свободой?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. Соколов В.В. Средневековая философия. – М.: Высш. школа, 1979. – 448 с.